

INSPIRIA

ОПАСНОСТИ КУРЕНИЯ В ПОСТЕЛИ

18+

Мариана Энрикес

INSPIRIA

Loft. Открытая книга

Мариана Энрикес

Опасности курения в постели

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.134.2-31(82)

ББК 84(7Арг)-44

Энрикес М.

Опасности курения в постели / М. Энрикес — «Эксмо»,
2009 — (Loft. Открытая книга)

ISBN 978-5-04-177724-1

Макабрические истории расцветают во всех рассказах этого сборника словно цветы Госпожи Смерти. Осторожно, ведь здесь обитают призраки давно умерших детей, хитрые ведьмы, городские безумцы, ожившие легенды и древние божества. Старые переулки Аргентины хранят в себе садистские фетиши, обезоруживающие мысли и тошнотворные откровения. Есть ли тот смельчак, кто переступит грань миров и погрузится в манящую тьму? Издание сборника рассказов аргентинской писательницы Марианы Энрикес «Опасности курения в постели». В 2021 году книга была включена в шорт-лист Букеровской премии и отлично принята критиками. Труды Марианы Энрикес почитаются в родной Аргентине за самобытность, хлесткость и яркость описания местных обычаев и верований.

УДК 821.134.2-31(82)

ББК 84(7Арг)-44

ISBN 978-5-04-177724-1

© Энрикес М., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Эксгумация ангелочка	6
Богородица из карьера	10
Тележка	15
Бетонная цистерна	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мариана Энрикес

Опасности курения в постели

© Петров Г., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Полю и Чатвинцу, нашему котенку

*Оставайся тут, пока я получу проклятие, Чтоб придать ему
козлиную голову. Заставь его взглянуть, как я займу его место. Ночь
принесла ему кое-что похуже.*

Уилл Олдхэм¹, «Вечер неудачника»

¹ Американский актер, певец, автор песен. (Прим. переводчика.)

Эксгумация ангелочка

Моя бабушка ненавидела дождливую погоду. Когда небо темнело, но с него еще не успевали упасть первые капли, она выносила на задний дворик бутылки и закапывала их до половины, горлышком вниз. Я выходила с ней и пыталась: бабуля, ну почему тебе так не нравятся дожди, ну почему? А в ответ – молчок, в руке лопаточка. Морщит нос, чтобы лучше чутуть влагу в воздухе. Если дождь начинался, слабый или с грозой, бабушка закрывала двери, окна и добавляла громкости телевизору, заглушая шум капель и ветра – крыша дома была металлическая. Когда ливень совпадал с ее любимым телесериалом «Борьба!», никому не удавалось выудить из нее ни слова, ибо она была безумно влюблена в американского актера Вика Морроу.

А я обожала дождь; он рыхлил сухую почву и пробуждал мою привычку копать в земле. У меня получались такие колодцы! Использовала я ту же лопаточку, что и бабушка: крохотную, вроде детского совка для пляжных игр, но из металла и дерева, а не из пластика. Земля в заднем дворике прятала осколки стеклянных зеленых бутылок с такими гладкими краями, что невозможно порезаться. Гладенькие, похожие на валуны или на мелкую пляжную гальку. Зачем они во дворике моего дома? Кто-то ведь должен был их там захоронить. В один прекрасный день я нашла овальный камешек размером с таракана, но кукарача эта была без лапок и усов. С одной стороны голыш был гладкий, а с другой – несколько зазубрин, как четкие черты улыбающегося лица. Обалдев от мысли, что это ценная реликвия, я показала находку папе, но он объяснил, что «лицо» получилось случайно. У моего отца трудно вызвать восторг. А еще я нашла черные кости с белыми точками, уже почти неразличимыми. И осколки матового, яблочно-зеленого и бирюзового стекла. Бабушка вспомнила, что стекляшки были когда-то частью витража старой двери... Иногда я играла с земляными червями, разрезая их на мелкие кусочки. Мне не нравилось видеть, как часть их тела корчится, а потом ползет дальше. Я думала: если хорошенько нарезать червя, как лук, полностью отделив кольца, тело не сможет восстановиться. Никогда не любила этих тварей.

А кости я нашла после ливня, превратившего землю во дворике в лужу грязи. Решила хранить их в ведерке, в котором переносила мои сокровища, чтобы омыwać их в баке с водой. Похвалилась находкой папе. А он: это, мол, куриные кости, или ребра, или останки какого-то питомца, которого, наверное, давно похоронили. Может, собачьи или кошачьи. Но скорее – куриные, ведь давным-давно, когда он был маленьким, моя бабуля держала курятник во дворе.

Такое объяснение меня вполне устраивало, пока бабушка не узнала о косточках и не стала рвать волосы на голове, причитая «ангелица, ангелица». Впрочем, скандал длился недолго и утих под суровым взглядом папы: он терпел бабушкины, как он их называл, «суеверия», но лишь до определенных границ. Его неодобрение с трудом вынудило ее успокоиться. Она попросила у меня эти косточки, и я их ей отдала. Потом бабушка отправила меня в спальню, и я чуть-чуть разозлилась, не понимая, за что меня наказали.

Но позже, в тот же вечер, она позвала меня и обо всем поведала. Сестричка моей бабушки была, кажется, десятым или одиннадцатым ребенком в семье; она не уверена в счете, ведь тогда детям уделяли меньше внимания, чем теперь. Умерла девочка через несколько месяцев после появления на свет – от лихорадки и диареи. Поскольку она походила на ангелочка, ее завернули в розовую ткань, посадили на стол, украшенный цветами, и подперли подушкой. Приделали маленькие картонные крылышки, чтобы она легче вознеслась на небо, но не стали набивать рот лепестками красных цветов, потому что мать, моя прабабушка, была в шоке: ей казалось, что они похожи на кровь. Всю ту ночь танцевали и пели, пришлось даже выгонять пьяного дядю и приводить в чувство мою прабабушку, упавшую в обморок от плача и жары. Молельница из индейцев пела псалмы, и единственной платой ей стали несколько лепешек с мясом.

– Это было здесь, бабуля?

– Нет, в Салавино, в Сантьяго. Ну и жарыща стояла!

– Значит, эти кости не девочки, раз она умерла там.

– Они самые. Я взяла их с собой, когда мы переехали сюда. Не хотела оставлять, потому что она плакала каждую ночь, бедняжка. Я подумала, что если она плачет рядом с нами, то как же она зарыдает в одиночестве, брошенная всеми! Вот и привезла косточки. Положила в мешочек и закопала здесь, на заднем дворике, поглубже. Даже твой дедушка не знал. Ни твоя прабабушка, вообще никто. Просто я слышала ее плач. Твой прадед тоже, но он притворялся глухим.

– А здесь младенец тоже плачет?

– Только когда идет дождь.

Как-то я спросила папу, правдива ли история девочки-ангелочка, а он в ответ: бабушка уже слишком стара, вот и бредит. При этом он не выглядел слишком уверенным, а может, ему было неловко. Вскоре бабушка умерла, дом продали, а я стала жить одинокой, без мужа и детей. У отца осталась квартира в Бальванере.

Я забыла об ангелице, пока десять лет спустя в грозовую ночь она не явилась к моей постели, рыдая.

Ангелочек, не похожий на привидение. Не парит в воздухе, лицо не бледное и платье не белое. Тело полусгнившее, говорить не может. При первом явлении я подумала, что сплю, и попыталась очнуться от этого кошмара. Но когда не смогла и до меня дошло, что все это происходит на самом деле, я закричала и заплакала, спряталась за простынями, зажмурилась и закрыв уши руками, чтобы ее не слышать. Ведь я еще не знала, что она немая. Но когда я вылезла из постели через несколько часов, ангелица еще была там, в лоскутах старого одеяла, накинутых на плечи, как пончо. Она указывала пальцем на окно, и я поняла, что наступил день. Редко можно лицезреть покойника белым днем. Я спросила, чего она от меня хочет, а в ответ – жестикуляция пальцем, как в фильме ужасов.

Я выбежала на кухню за перчатками для мытья посуды. Ангелица последовала за мной, будто демонстрируя свою требовательность. Но я не испугалась. Натянув перчатки, схватила ее за тоненькую шейку и сдавила. Конечно, не слишком разумно – пытаться задушить мертвеца, но невозможно же проявлять отчаяние и разумность в одно и то же время. Впрочем, она даже не закашлялась. У меня между пальцами остались кусочки разлагающейся плоти, ее трахея обнажилась.

До этого момента я не ведала, что передо мной Анхелита, сестра моей бабушки. Я ведь плотно закрывала глаза, надеясь, что видение исчезнет или что я проснусь наконец. Поскольку это не сработало, я оглядела ее всю и заметила на спине свисающие желтоватые лоскуты того, что было розовым саваном, а также остатки двух картонных крыльев с наклеенными куриными перьями. За столько лет они должны были исчезнуть, подумалось мне. Затем я в истерике рассмеялась и сказала себе, что у меня на кухне лежит мертвый ребенок, и это моя двоюродная бабушка, умеющая ходить, хотя и прожила лишь около трех месяцев. Надо было перестать думать о том, что возможно, а что нет.

Я спросила младенца, не моя ли она двоюродная бабушка Анхелита? (Официальное имя ее записать не успели, тогда были иные времена, поэтому и назвали родовым именем.) Так я обнаружила, что ангелица не говорит, но в ответ качает головой. Значит, бабушка сказала правду, решила я, кости – не из курятника, это косточки ее сестры, которые я выкопала, когда была маленькой.

Чего хотела Анхелита, оставалось тайной, потому что она лишь утвердительно или отрицательно качала головой. Но желала она чего-то очень срочного, потому что не только продолжала указывать пальцем, но и не оставляла меня в покое, ходила следом по всему дому.

Ждала меня за занавеской, когда я принимала душ; усаживалась на биде, когда я испражнялась; маячила у холодильника, если я мыла посуду, и сидела у моего стула, если я работала на компьютере.

Первую неделю я жила обычной жизнью, полагая, что, может, это пик стресса с галлюцинациями, и все пройдет само собой. Я отпросилась на несколько дней с работы, принимала снотворное. Ангелица не исчезала, ожидая моего пробуждения у кровати.

Ко мне приходили друзья. Поначалу мне не хотелось отвечать на их сообщения, открывать дверь, но, чтобы друзья не беспокоились, я согласилась повидаться, сославшись на нервное истощение. Для них это не стало неожиданностью: они помнили, что я вкалывала по-черному. Ангелочка никто не заметил. Когда меня впервые посетила моя подруга Марина, я закрыла Анхелиту в чулан, но, к моему ужасу и отвращению, она выскользнула оттуда и уселась на ручку кресла, выставив уродливое, серо-зеленое гнилое лицо. А Марина ее даже не заметила.

Вскоре я вывела маленького ангела на улицу, и ничего не случилось. Если не считать того, что один сеньор мельком взглянул на Анхелиту, затем обернулся и снова посмотрел, и лицо его побледнело; наверное, скакнуло давление. А одна сеньора бросилась бежать и чуть не попала под автобус 45-го маршрута на улице Чакабуко. Как мне показалось, некоторые, но немногие прохожие должны были заметить ангелочка. Чтобы избавить их от неприятной встречи, когда мы выходили вместе, или, вернее, когда Анхелита следовала за мной и мне приходилось с этим смириться, я носила ее в рюкзаке (ужасно видеть, как она, такая маленькая, шагает – это зрелище не для слабонервных). А еще я купила ей повязку вроде маски для лица, которой закрывают шрамы от ожогов. Теперь, узрев ангелицу, люди чувствуют отвращение и одновременно – потрясение и сострадание. В их представлении это очень больной или изувеченный, а не мертвый ребенок.

И подумалось: вот бы меня увидел мой папа, который постоянно жаловался, что умрет, не дождавшись внуков (и умер-таки без внуков, в чем – и во многом другом – виновна я). Я купила Анхелите игрушки, чтобы ее позабавить, – пластиковые куклы, игральные кости, пустышки. Ей, однако, ничто особенно не нравилось, и она продолжала указывать своим отвратительным пальцем на юг – вот это я усекла: всегда на юг – утром, днем и вечером. Я пыталась беседовать с ней, задавала вопросы, но нормально общаться она не умела.

Пока однажды утром не явилась с фотографией дома моего детства, где я нашла ее косточки на заднем дворе. Ангелица извлекла снимок из коробки, где я храню фотографии, испачкав там все мерзкими пятнами своей гнилой, липкой кожицы, которая с нее сползает. Она принялась указывать пальцем на дом, весьма настойчиво. Я спросила, хочет ли она там оказаться, и ответ был утвердительным. Я объяснила, что дом теперь не наш, он продан, но Анхелита настаивала.

Я натянула на нее маску, погрузила в рюкзак, и мы сели в автобус 15-го маршрута до Авельянеды. В поездке она не глядела в окно, не обращала внимания на людей и никак не развлекалась, придавая окружающему значения не больше, чем своим игрушкам. Для удобства я оставила ее в сидячем положении, хотя не знаю, способна ли она испытывать неудобство. Я вообще не имею представления о ее ощущениях. Знаю только, что она не злока; если раньше я ее боялась, то теперь страх прошел.

Добрались мы до моего бывшего дома около четырех пополудни. Как всегда летом, на проспекте Митре стоял тяжелый запах ручья и паров бензина, смешанный с вонью мусора. Мы пересекли площадь, прошли мимо психбольницы Итоис, где закончила свои дни моя бабуля, и, наконец, обогнули стадион «Расинг». За ним и был мой старый дом, в двух кварталах от стадиона. Очутившись у дверей дома, я подумала: что теперь делать? Попросить новых владельцев нас впустить? Но под каким предлогом? Я почему-то не позаботилась об этом заранее. Что-то явно повлияло на мой разум, когда я бродила повсюду с мертвым младенцем.

И тогда выход нашла Анхелита: не нужно идти в дом. Через изгородь можно видеть задний дворик, а это единственное, чего она желала. Она была у меня на руках, и мы подглядывали вместе, заметив, что изгородь довольно низкая и сделана небрежно. На месте пустыря был теперь голубой пластиковый бассейн, врытый в землю. Наверное, строители перекопали всю землю, пока рыли яму. Они забросили кости маленького ангела неведомо куда; все было перелопачено, и косточки пропали. Мне стало жалко бедняжку, о чем я ей и сказала, добавив, что не в силах что-то изменить. И что корю себя за то, что не выкопала остальные косточки после продажи дома, чтобы захоронить их в каком-то тихом месте или по соседству с моей семьей, если ангелочку так было больше по душе. Ах, если бы я могла спокойно положить их в коробку или цветочную вазу и увезти домой! Да, плохо я с ней обращалась и хочу попросить за это прощения. Анхелита кивнула, и до меня дошло, что она приняла извинение. Я спросила, все ли теперь в порядке, не собирается ли она уйти, покинуть меня? А она: нет. Ладно, сказала я, но поскольку ее ответ меня не устроил, я быстро зашагала к остановке 15-го автобуса, вынудив ангелочка бежать за мной босиком. Ноги ее были такими гнилыми, что обнажались белые косточки.

Богородица из карьера

Сильвия одиноко жила на съемной квартире, в огромной комнате с матрасом на полу. Во дворе ее дома – полутораметровый куст марихуаны. У Сильвии был кабинет в министерстве просвещения, она получала жалованье, красила длинные волосы в угольно-черный цвет и носила индийские рубахи с широкими рукавами. Серебристые нити на запястьях сверкали на солнце. Родом она из Олаваррии, у нее был двоюродный брат, который таинственно исчез во время путешествия по внутренним районам Мексики. Мы считали Сильвию «старшей» подругой, она заботилась о нас, когда мы совершали вылазки, и одалживала нам квартиру, чтобы мы могли выкурить косяк и встретиться с парнями. Тем не менее мы желали унижить ее, сделать беззащитной, смешать с грязью. Потому что Сильвия – всезнайка: если кто-то из нас открыл для себя художницу Фриду Кало, то она, конечно, уже посетила в Мексике дом Фриды со своим двоюродным братцем перед тем, как тот пропал. Когда мы пробовали новую дурь, выяснялось, что она успела пострадать от передозировки этого же вещества. А если находили музыкальную группу по нраву, то Сильвия, видите ли, уже перестала быть ее фанаткой. Ненавидели ее и за густые прямые волосы, черные, как смоль благодаря краске, которую мы не могли найти ни в одном обычном салоне красоты. Она не делилась названием фирмы, а могла бы; впрочем, мы ее и не расспрашивали. Не любили за то, что она всегда при деньгах, ей хватало и на пиво, и на двадцать пять грамм, и на добавку пиццы. Как ей такое удавалось? Она говорила, что кроме жалованья у нее был доступ к банковскому счету богатенького папы, который ее не признал и не виделся с ней, но открыл именной счет в банке. Конечно, враки. Такое же вранье, как и то, что ее сестра – модель: мы видели ее, когда она приезжала к Сильвии. Девушка не стоила и трех шлюх: миниатюрная брюнетка с большой задницей и взбаламученными кудрями, намазанными самым жирным гелем... Конечно, такая и мечтать не могла о подиуме.

Но сильнее всего мы желали Сильвии краха в любви, потому что она нравилась Диего. Мы познакомились с Диего в городе Барилоче, во время выпускной поездки. Он был худой, с густыми бровями, и всегда ходил в разных футболках с «Роллинг Стоунз» (то с высунутым языком, то с обложкой альбома *Tattoo You*, а то и с портретом самого Джаггера, сжимающего проводной микрофон в виде змеиной головы). Диего играл нам на акустической гитаре после поездки, когда уже темнело, возле холма Катедраль, а потом в отеле показывал, сколько нужно водки и апельсинового сока, чтобы получилась хорошая «отвертка». Он обращался с нами хорошо, но ограничился поцелуйчиками и не пожелал с нами переспать. Может, потому что был старше (утверждал, что ему восемнадцать), или потому, что мы ему не понравились. Когда мы вернулись в Буэнос-Айрес, то пригласили его на вечеринку. Какое-то время он уделял нам внимание, пока с ним не заговорила Сильвия. С той минуты он по-прежнему относился к нам хорошо, но Сильвия монополизировала его и ослепила (или ошеломила: мнения разошлись) своими рассказами о Мексике, о дурманящем кактусе – пейоте и сахарных черепаках, культовом символе Дня мертвых. К тому же она была старше нас, окончила среднюю школу два года назад. Диего путешествовал мало, однако тем же летом захотел отправиться с рюкзаком за плечами на север; разумеется, Сильвия уже совершила такую экскурсию и теперь давала ему советы, велела позвонить ей, чтобы она отрекомендовала дешевые отели и частных, сдающих жилье. А он всему поверил, хотя у Сильвии не было ни одной фотки, подтверждающей это ее путешествие, как и любое другое.

В то лето она придумала поехать на карьеры, и нам пришлось уступить: идея-то великолепная. Сильвия ненавидела общественные и клубные бассейны – даже те, что в загородных усадьбах или дачных домах, сдаваемых на выходные. Она бубнила, что вода там несвежая, вроде как застоялая. Поскольку ближайшая река грязновата, ей негде было поплавать. А мы такие: «Да за кого себя выдает Сильвия, уж не родилась ли она на пляже на юге Франции».

Но Диего выслушал объяснение, зачем понадобилась «свежая» вода, и полностью согласился. Они немного поговорили о морях, водопадах и ручьях, пока Сильвия не упомянула глубокие карьеры. На работе кто-то сказал ей, что по дороге на юг встречается много таких водоемов, и что в них почти не купаются, потому что боятся, считая их опасными. Она предложила нам поехать на карьер в следующие выходные, и мы сразу же согласились, зная, что Диего скажет «да», а мы не хотели отпускать их вдвоем. Может, увидев ее некрасивое тело и горшкообразные ноги – Сильвия винила в этом детские занятия хоккеем на траве, хотя половина из нас тоже играла в хоккей, но наши бедра все же не напоминали окорока; а на ее плоском заду и широких бедрах джинсы сидели ужасно. Так что, если Диего заметит эти недостатки (а также волосы, которые она не сбрасывала тщательно или, возможно, поросль нельзя было выкорчевать, ведь Сильвия – жгучая брюнетка), даст бог, она разонравится Диего и он наконец-то устремит взор на нас.

Быстро собрав информацию, она объявила, что надо ехать на карьер Богородицы, который считается лучшим и самым чистым. К тому же это крупнейший, глубочайший и самый опасный из всех искусственных водоемов. Он очень далеко, почти что в конце 307-го автобусного маршрута, когда едешь уже по автостраде. Карьер Богородицы особенный, так как, по слухам, редко кто отваживается в нем купаться. Отпугивала не его глубина, а собственник. Говорили, что водоем кто-то купил, и мы поверили, хотя никто из нас не знал, для чего нужен карьер и можно ли его приобрести. Однако не удивились, что у него появился хозяин, и, понятное дело, он не хочет, чтобы пришлые купались на его территории. Твердили, что, когда приезжали чужаки, хозяин появлялся из-за холма на своем пикапе и обстреливал их. А случалось, и натравливал собак. Он украсил свой частный карьер гигантским алтарем, гротом Богородицы на одном из берегов основного водного зеркала. Добраться до алтаря можно, лишь обогнув карьер по грунтовой дороге с правой стороны, и по тропе, которая начинается у временного входа, рядом с маршрутом, отмеченным узкой железной аркой. По другую сторону – холм, откуда мог появиться пикап. Вода перед Богородицей – неподвижная, черная. С этой стороны был небольшой глинистый пляж.

В том январе мы ездили туда каждую субботу, жара стояла нещадная, а вода была такая холодная, словно погружаешься в чудо. Мы даже забыли о Диего и Сильвии. Они тоже подзабыли друг друга, наслаждаясь прохладой и таинственностью. Старались не шуметь, чтоб не привлечь незримого хозяина. Но мы так никого и не заметили, хотя иногда встречали людей на автобусной остановке на обратном пути. Они, должно быть, догадывались по нашим мокрым волосам, по запаху камня и соли от нашей кожи, что возвращаемся из карьера. Однажды водитель автобуса удивил нас, предупредив: с полудикими бродячими собаками надо быть поосторожнее. У нас выскочили мурашки на коже, но в следующие выходные мы были там все так же одиноки, не слышалось даже лая вдалеке.

Заметили, что Диего начал с интересом поглядывать на наши золотистые бедра, тонкие лодыжки и плоские животики. Да, он все еще не отходил от Сильвии и казался очарованным ею, хотя и уразумел, что мы намного-намного привлекательнее. Впрочем, была одна проблемка – оба они великолепно плавали, и хотя заигрывали с нами в воде и учили кое-чему, но когда им это надоедало, быстро и ловко уплывали. Догнать их было невозможно. Карьер действительно огромный; барахтаясь у берега, мы видели их темные головы, скользящие по поверхности воды, различали шевеление их губ, но понятия не имели, о чем они там сплетничают. Конечно, они над нами посмеивались, а Сильвия вообще насмешница, и нам очень хотелось, чтобы она поубавила гонору. Оба они казались такими счастливыми. Ясно, что совсем скоро они поймут, как сильно нравятся друг другу, летняя прохлада возле автотрассы преходяща. Нужно остановить их. Ведь это мы нашли Диего, и она не должна присвоить его полностью.

Диего хорошел с каждым днем. Когда он впервые снял футболку, нас восхитили его широкий торс, сильные покатые плечи и песочный цвет кожи чуть выше пояса брюк. Ну просто

красавец. Он научил нас мастерить мундштук из спичечного коробка, чтобы было приятнее курить косяк, следил, чтобы мы, одурев от наркотика, не полезли в воду и не утонули. Записал для нас диски музыкальных групп, которые, по его мнению, необходимо знать, а потом проэкзаменовал нас. Диего был очарователен, он не скрывал восторга, заметив, что нам очень понравилась какая-нибудь из его любимых песен. Мы увлеченно слушали их и искали скрытое послание: не хотел ли он нам что-то сказать? На всякий случай даже переводили песни с английского с помощью словаря. Зачитывали тексты друг другу по телефону и обсуждали. Ну и путаница возникала из десятков мнений и посланий!

Все это мигом прекратилось; было ощущение, будто холодным лезвием ножа провели по позвоночнику, когда мы узнали, что Сильвия и Диего обручились. Когда! Как это! Конечно, они уже взрослые и не должны рано возвращаться домой; к тому же у Сильвии есть квартира. Глупо примерять к ним идиотские ограничения, действовавшие для нас. Хотя мы довольно часто сбегали из дома, предки контролировали нас с помощью расписаний и мобильных телефонов. Родители перезнакомились и возили нас на машинах по разным местам – на боулинг, в дома подружек, к себе домой, в клубы.

Вскоре мы узнали и подробности, которые нас не слишком впечатлили. Оказывается, Сильвия и Диего уже какое-то время уединялись по вечерам, а иногда он забирал ее из министерства, чтобы выпить и переспать в его квартире. Потом они наверняка покуривали в постели косяк из того самого растения Сильвии. Некоторые из нас и в семнадцать лет еще не трахались, о ужас; минет – другое дело, это мы уже умели хорошо, но совокуплялись только некоторые, не все. Диего вызвал у нас ужасную ненависть. Мы хотели владеть им, но не для того, чтобы он стал нашим женихом, а просто чтобы переспать, чтобы он научил нас этому, как обучил рок-н-роллу, приготовлению напитков и плаванью баттерфляем.

Самой одержимой была Наталия, все еще девственница. Она призналась, что берегла себя ради чего-то стоящего, а Диего был именно таким. Когда Наталии взбрело что-то в голову, очень трудно было отступить. Однажды, когда ей на неделю запретили играть в боулинг за плохие школьные отметки, она приняла двадцать маминых таблеток. Потом боулинг разрешили, но направили к психологу. Вместо оплаты сеансов Наталия тратила деньги по своему усмотрению. С Диего она хотела чего-то особенного, не стремилась броситься ему на шею. Желала, чтобы он сам ее захотел, полюбил, свел с ума. Но на вечеринках, когда она подходила к нему поболтать, Диего лишь косо улыбался и продолжал разговор с любой из нас. Не отвечал на ее телефонные звонки, а если и отвечал, то вяло, и всегда обрывал беседу. В карьере он не разглядывал ее тело, длинные, сильные ноги и крепкий зад, он смотрел на нее, как на какое-то унылое растение, на фикус, например. Понятно, что Наталия не могла в это поверить. Она не умела плавать, плескалась у берега и выходила из холодной воды в прилипшем к загорелому телу желтом купальнике, таком прилипшем, что проступали соски, затвердевшие от ледяной воды. И Наталия знала, что любой, кто ее увидит, воспламенится желанием, но только не Диего, предпочитавший брюнетку с плоским задом! Наши мнения совпадали в том, что понять это невозможно.

Однажды, когда мы собирались на урок физкультуры, Наталия призналась нам, что капнула своей менструальной крови в кофе Диего – в квартире Сильвии, где же еще! Они там были втроем, и, уловив момент, когда Диего и Сильвия вышли на кухню, Наталия моментально подлила в чашку то, что смогла собрать в крохотный флакончик от духов. Преодолевая отвращение, ей удалось выжать кровь, выкручивая мокрую вату, хотя обычно она пользовалась прокладками или тампонами. Кровь была немного разбавлена водой, но она решила все-таки добавить ее в кофе. Этот метод был позаимствован из книги по парапсихологии: там говорилось, что он негигиеничен, но беспроигрышен для привязки любимого.

Увы, это не сработало. Через неделю после того кофепития сама Сильвия объявила, что они с Диего встречаются и теперь официально помолвлены. В следующий раз мы увидели их

страстно целующимися. В те выходные поехали все вместе на карьер, и мы ничего не могли понять, ну просто ничего. Красное бикини с рисунками сердечек; плоский животик с пирсингом в пупке; шикарная стрижка с прядью на лице, ноги без единого волоска, подмышки гладкие, как мрамор. А он предпочел ее? Почему? Почему он спал с ней? Мы ведь тоже не прочь, и хотим только этого! Или, может, до него не доходило, когда мы усаживались ему на колени, изо всех сил прижимаясь задом и пытаюсь нащупать его член будто случайно. Или когда посмеивались ему в лицо, показывая язык. Достаточно было навалиться на него сверху, и дело с концом? Страдали мы все, это было навязчивой идеей не только для Наталии: мы хотели, чтобы Диего предпочел нас. Побывать с ним еще мокрыми от холодной воды карьера, сменяя друг дружку; с ним, лежащим на крошечном пляже, в ожидании стрельбы хозяина, чтобы потом полуголыми помчаться к дороге под градом пуль.

Но нет. Мы сидели там во всей своей красе, а он целовал Сильвию, с ее плоской попкой, к тому же старенькую. Солнце палило, и у плоскозадой Сильвии катастрофически облезала кожа на носу, она ведь пользовалась дешевым кремом. А вот мы считали себя безупречными. В один прекрасный момент показалось, что Диего заметил нас, взглянул иначе, как бы уразумев, что он с некрасивой чернявкой. И обронил: «А почему бы нам не сплавать к Богородице?» Наталия побледнела, она не умела плавать. А мы умели, но не отваживались пересечь карьер, такой глубокий и широкий, что, если начнешь тонуть, некому будет спасти – кругом сплошная глушь. Диего догадался и сказал: «Мы с Сильвией вплавь, а вы прогуляйтесь-ка по бережку, и там встретимся. Хочется рассмотреть алтарь поближе, ясно?»

Мы, конечно, не стали перечить, хотя и встревожились из-за того, как ласково он произнес имя Сильвии. Значит, он вовсе не по-другому смотрел на нас, а мы-то в нетерпении этого дожидались и даже почти свихнулись. Отправились в путь. Обойти карьер оказалось непросто; он кажется намного меньше, когда смотришь с пляжа, а на самом деле – огромный. Наверное, квартала три в длину. Диего и Сильвия намного опередили нас, и мы видели время от времени, как маячат их темные головы, позолоченные лучами солнца, такие сияющие, а также их руки, вздымающие бороздки воды. В какой-то момент им пришлось остановиться, мы это видели с берега. А мы – в солнечном пекле, липкие от пота и пыли, с головной болью от жары, ослепленные безжалостным светом, брели, словно взбираясь в гору. Мы заметили, как они остановились и беседуют; Сильвия смеется, запрокидывая голову и продолжая двигать руками, чтобы оставаться на плаву. Дистанция слишком длинная, пловцы-любители не преодолеют ее разом. Однако у Наталии возникла мысль, что они останавливаются не от усталости, а, видимо, что-то замышляют. «Эта кобыла задумала что-то», – заявила она, продолжая путь к Богородице, еле-еле различимой внутри грота.

Диего и Сильвия доплыли в тот момент, когда мы повернули направо, чтобы преодолеть последние пятьдесят метров, отделявшие нас от грота Богородицы. Они наверняка видели, как мы переводим дух. Подмышки издают луковый запах, волосы прилипли к вискам. Они оглядели нас, рассмеялись так же, как во время той передышки, и бросились обратно в воду, чтобы поскорее доплыть до небольшого пляжа. Просто так. Раздались всплеск и издевательский смех. «Чао, девчонки!» – торжествующе прокричала Сильвия, прежде чем повернуть назад, и мы ощутили холодок, несмотря на изнуряющую жару. Что за странная штука – ужасно мерзнуть в зной, сильнее, чем когда-либо, с пылающими от ненависти ушами, под их смешки над нами, глупышками, что не умеют плавать и обмениваются упреками. Унижение всего в пятидесяти метрах от Богородицы, которую никто уже не желал увидеть, да и прежде не хотел. А ярость Наталии была так сильна, что у нее даже слезы выступили. Мы сказали ей, что надо возвращаться, а она: нет, хочется взглянуть на Богородицу. Усталые и сбитые с толку, мы сели покурить и стали дожидаться.

Наталия отсутствовала минут пятнадцать. Странно, неужели она молилась? Мы не расспрашивали, хорошо зная ее в гневе – одну из нас она однажды укусила в приступе ярости,

это правда, не шутка, огромный след на руке оставался почти неделю. Она вернулась, попросила затянуться – не любила курить целые сигареты – и пошла вперед, а мы за ней. Разглядели Сильвию и Диего на пляже, вытирающих друг друга, до нас доносился их смех, и вдруг Сильвия крикнула: «Не сердитесь, девчонки, мы пошутили!»

Наталия резко обернулась. Она была в пыли, запыхались даже глаза. Изучающе посмотрела на нас, улыбнулась и изрекла:

– Никакая это не Богородица.

– Ты о чем?

– Она в белой накидке, прикрывающей тело, но она не Дева. Она красного цвета, из гипса, и голая. У нее черные соски.

Мы испуганно спросили: тогда кто же? Наталия не знает, должно быть, что-то бразильское. Призналась, что попросила фигуру о чем-то. Красное тело прекрасно окрашено, блестит, как акриловое. У нее приятные волосы, черные и длинные, темнее и шелковистее, чем у Сильвии. А когда Наталия приблизилась, фальшивая белая мантия девственницы сползла сама, без ее прикосновения, будто статуя хотела, чтобы Наталия узнала ее. Тогда-то она и попросила о чем-то.

Мы промолчали. Ведь она порой вытворяла такие сумасшедшие вещи, как тогда, с кофе Диего. Потом это у нее проходило.

На пляжик мы вернулись в ужасном настроении, и хотя Сильвия и Диего пытались нас рассмешить, им это не удавалось. Мы заметили, что они чувствуют себя виноватыми – просили прощения, извинялись. И признались, что пошутили дурно, грубо, хотели смутить нас. Они достали из сумки-холодильника, которую мы всегда брали с собой, охлажденное пиво, и когда Диего открыл бутылку своим брелоком, мы услышали рычание. Оно было таким громким, ясным и сильным, что, казалось, раздастся совсем близко. Но Сильвия замерла и указала пальцем на холм, где стоял хозяин. Его сопровождала черная собака. Хотя Диего сначала сказал «лошадь». И тут же собака залаяла, и лай заполнил все вокруг, и мы можем поклясться, что он даже вызвал рябь на поверхности воды в карьере. Пес был огромный, как жеребенок, абсолютно черный, и было видно, что он готов броситься с холма. И он был здесь не один, ведь первое рычание доносилось откуда-то сзади, из-за пляжа. К нам приближались три слюнявые собаки-жеребенка, бока у них поднимались и опускались, проступали тощие ребра. Это не собаки хозяина, догадались мы, а те, которых упомянул шофер автобуса, – дикие и опасные. Диего попытался успокоить их звуком «ш-ш-ш», а Сильвия сказала: «Им нельзя показывать наш испуг». И тогда разозленная Наталия, заплакав, наконец, крикнула им: «Дерьмовые ублюдки, ты, плоская задница, и ты, мудака, это мои собаки!»

Один зверь был уже в пяти метрах от Сильвии. Диего даже не обратил внимания на Наталию: он встал перед своей невестой, чтобы защитить ее, но тут за ним появилась еще одна собака, а затем две поменьше, сбежавшие с холма. Вдруг раздалось непонятное голодное или гневное рычание. И было очевидно, что собаки даже не смотрели ни на одну из нас. Просто не обращали внимания, будто нас и не было, будто у карьера только Сильвия и Диего. Наталия надела футболку и юбку, шепотом посоветовала и нам одеться, а потом схватила нас за руки. Она поспешила к подобию железной арки, через которую был выход к шоссе, и только потом бросилась к остановке 307-го автобуса, а мы за ней. Мы не сказали, идем ли за помощью и намерены ли вернуться. А когда услышали с дороги крики Сильвии и Диего, втайне молились, чтобы ни одна машина не остановилась из-за их воплей. Мы были молоды и красивы, поэтому иногда нас хотели бесплатно подвезти в город. Но вот прибыл автобус 307-го маршрута, и мы вошли в него спокойно, чтобы не вызвать подозрений. Водитель спросил, как у нас дела, а мы в ответ: «Хорошо, шикарно, тишь да гладь».

Тележка

В тот день Хуанчо был пьян и брел по тротуару с вызывающим видом, хотя никто в округе не чувствовал ни угрозы, ни даже беспокойства, вызванного его токсичным присутствием. Как всегда по воскресеньям, Орасио мыл машину посреди улицы. Он был в шортах, в шлепанцах, живот выпячен, на груди седые волосы. Радиоприемник настроен на трансляцию футбольного матча. На углу торгаши-галисийцы пили мате из чайника, который стоял на земле между двумя шезлонгами, вынесенными на улицу, чтобы насладиться солнцем. По другую сторону улицы сыновья Коки потягивали пиво, стоя в дверях, а у гаража Валерии тусовалась группа только что принявших душ, чрезмерно покрашенных девчонок. Прежде мой папа стремился поздороваться и поговорить с соседями, но возвращался обычно удрученный и немного раздраженный, потому что эти добрые люди не поддерживали беседу, одинаково жаловался он каждое воскресенье.

А мама моя подглядывала в окно. Ей наскучило воскресное телевидение, но не хотелось выходить на улицу. Она смотрела сквозь щели полуоткрытых жалюзи и время от времени просила у нас чаю, печенья или аспирин. Мы с братом оставались дома, но иногда вечером катались по центру города, если папа одалживал машину.

Первой его заметила мама. Этот мужчина шагал с угла Туйути, прямо посреди улицы, толкал тяжело нагруженную тележку супермаркета и был даже более пьян, чем Хуанчо, хотя ему удавалось везти собранный мусор – пустые бутылки, картон, старые телефонные справочники. Остановился, пошатываясь, у машины Орасио. Несмотря на жару, он был в зеленоватом старом свитере. Мужчине было лет за шестьдесят. Он оставил тележку у обочины, подошел к машине как раз с той стороны, которая была лучше видна моей маме, и спустил штаны. Трусов под его грязными брюками не оказалось.

Мама громко позвала нас. Мы втроем – брат, папа и я – заглянули в щели жалюзи. Старик гадил на тротуар жидким; до нас дошла вонь, пахло дерьмом и спиртом.

Несчастный, вздохнула мама. Бедолага, до чего же можно докатиться, изрек папа.

Орасио оцепенел, но было заметно, что он свирепеет: его шея наливалась кровью. Но прежде чем он успел среагировать, Хуанчо перебежал улицу и толкнул мужчину, не успевшего встать и натянуть штаны. Старик упал в собственное дерьмо, измазав свой свитер и правую руку. Он лишь ойкнул.

– Чертов негр! – крикнул ему Хуанчо. – Мать твою, не вздумай шляться здесь и гадить. – Он пнул лежащего на земле старика, испачкав свои шлепанцы. – Вставай и вымой тротуар, а потом убирайся в свои трущобы, сукин сын.

И он продолжал пинать его в грудь и в спину. Старик не мог даже встать; казалось, он не понимает происходящего. Вдруг он заплакал.

Это уж слишком, сказал отец. Зачем же так унижать бедолагу, вздохнула мама и направилась к двери. Мы – за ней. Когда мама подошла к тротуару, Хуанчо поднял мужчину, который хныкал и умолял простить его. Попытался взять шланг, которым Орасио мыл авто, чтобы самому убрать за собой. Ну и вонь! Никто не решался подойти. «Хуанчо, хватит», – тихо сказал Орасио. И тут вмешалась моя мама. Все ее уважали, особенно Хуанчо, ведь она давала ему пару монет на вино, когда он кланчил; да и остальные относились к ней почтительно, потому что мама была кинезиологом², но все считали ее врачом и называли доктором.

² Кинезиология – наука, изучающая мышечные движения человека.

– Оставь его в покое, отпусти. Мы сами уберем. Он пьян и не понимает, что творит, не бей его.

Старик посмотрел на маму, а она ему: «Сеньор, извинитесь и уходите». Он что-то промямлил, уронил шланг и все так же, со спущенными штанами, собрался толкать свою тележку.

– Доктор спасла тебе, засранцу, жизнь, но за грязь все равно заплатишь, у нас тут не шутят.

Мама попыталась уговорить Хуанчо, но он был пьян и разъярен, орал, как линчеватель, глаза потемнели и налились кровью – под цвет его шорт. Он встал перед тележкой и не давал старику сдвинуть ее с места. Я боялась возобновления драки, точнее, нового избиения, но Хуанчо, похоже, пришел в себя. Старик задернул молнию на штанах – пуговицы отсутствовали – и снова побрел посреди улицы, в сторону Катамарки. Все глядели ему вслед, галисийцы ворчали: какое варварство, сыновья Коки заливались смехом, а девушки у дверей гаража Валерии нервно смеялись и смущенно опускали глаза.

Орасио тихо выругался. Хуанчо достал из тележки бутылку и бросил в беднягу, но бутылка упала далеко и разбилась об асфальт. Испуганный звоном мужчина обернулся и прокричал что-то неразборчивое. Неизвестно, говорил ли он на другом языке (на каком же?) или был настолько пьян, что не мог членораздельно выразиться. Но прежде чем рвануть зигзагами, спасаясь от погнавшего за ним с криками Хуанчо, он абсолютно ясно посмотрел на мою мать и кивнул ей два раза. Пробормотал нечто, закатив глаза, окинув взглядом весь квартал и окрестности. И сразу исчез за углом. Хуанчо, издав неприличный звук, не последовал за ним, ограничившись угрозами.

А мы вернулись в дом. Жители квартала обсуждали случившееся весь день и целую неделю. Орасио отмыл тротуар, ворча и проклиная дерьмовых негров.

Чего еще ждать в нашем районе, вздохнула мама, опуская жалюзи.

Кто-то, наверно, Хуанчо, откатил тележку на угол улицы Туйути и припарковал ее перед заброшенным домом доньи Риты, которая умерла в прошлом году. Через несколько дней на тележку уже никто не обращал внимания.

Поначалу надеялись, что ее заберет нищий, и никто другой. Однако он не появлялся, и никто не знал, что делать с его пожитками, которые там так и оставались и промокли под дождем. Сырой картон развалился и начал издавать неприятный запах. Воняло и еще что-то, видимо, протухшая еда. Отвратительная вонь не позволяла избавиться от мусора, поэтому тележку обходили стороной. Впрочем, в нашем квартале всегда плохо пахло зеленоватым илом, скапливавшимся у тротуаров, и еще наносило от речушки Риачуэло, когда с ее стороны дул ветер, особенно на закате дня.

Все началось примерно через две недели после появления злополучной тележки. Может, и раньше, но потребовалась череда несчастий, чтобы жители заметили странную последовательность событий. Первым это почувствовал Орасио. У него был небольшой гастроном в центре города, и дела шли хорошо. Но однажды ночью, когда он подсчитывал выручку, вломилась неизвестные и отняли все. В пригородах такое случается. А когда в ту же ночь он воспользовался банкоматом, чтобы снять деньги, уже после жалобы в полицию – бесполезной, как и в случае большинства грабежей, в частности, потому, что налетчики были в капюшонах, – обнаружил, что на его счету нет ни одного песо. Орасио звонил в банк, устраивал скандалы, стучался во все двери, грозил убийством одному клерку и добрался до управляющего отделением, а затем и до начальника банковской сети. Тщетно: деньги исчезли, их кто-то вынес, и Орасио мигом разорился. Продал машину, а ему дали за нее меньше, чем он надеялся.

Оба сына Коки лишились работы механиков в мастерской. Причем без предупреждения; хозяин не потрудились объяснить, просто выгнал. К тому же Кока не получала пенсию. В течение недели ее сыновья искали работу, потом потратили сбережения на пиво. Кока залегла в кровать, объявив, что хочет умереть. Семье больше нигде не давали в долг; не осталось денег даже на автобусный билет.

Галисийцам пришлось закрыть свой базарчик. И беды коснулись не только детей Коки и Орасио. Каждый житель квартала вдруг чего-то лишился или терял все. Товары из киоска таинственно исчезли. У таксиста угнали машину. Муж и единственный кормилец Мари, каменщик, упал со строительных лесов и разбился. Девчонки были вынуждены бросить частную школу, так как их родители не могли теперь платить за учебу: отец-дантист потерял клиентов, и мать-портниха тоже, а у мясника из-за короткого замыкания сгорели холодильники.

Через два месяца никто в нашем районе не мог пользоваться телефоном из-за неплатежей, через три – пришлось подворовывать электричество, потому что невозможно стало за него платить. Сыновья Коки занялись уличным промыслом, и одного из них, неопытного, поймала полиция. Другой пропал однажды ночью; вероятно, его убили. Таксист отважился посетить пешком другую сторону проспекта. Там, по его словам, все было в порядке. Даже через три месяца после того, как все началось, магазины отпускали товары в кредит. Но в конце концов и они перестали это делать.

Орасио выставил свой дом на продажу.

Жители запирали двери на старые навесные замки, потому что не было денег ни на сигнализацию, ни на более надежные запоры; в домах стали пропадать вещи – телевизоры, радиоприемники, стереосистемы и компьютеры. Можно было видеть, как некоторые жители тащили бытовые приборы вдвоем или втроем, на тележках или на руках. Несли на продажу с молотка на другой стороне проспекта. Однако некоторые обитатели улицы стали объединяться, и при попытках вломиться в их квартиры угрожали кухонными ножами или пистолетами, если они были. Чоло, зеленщик, владевший лавкой на углу, проломил таксисту голову грилем для жарки мяса. Сначала группа женщин организовалась для раздачи продуктов, оставшихся в морозильных камерах; но когда стало известно, что некоторые из них обманывают и оставляют еду себе, добрая воля улетучилась.

Кока была вынуждена съесть своего кота, а потом покончила с собой. Пришлось пойти в контору социальной службы и просить, чтобы забрали тело и похоронили бесплатно. Один сотрудник захотел узнать подробности, ему все рассказали, и тогда явилось телевидение, чтобы осветить здешние беды, которые погрузили в нищету три квартала. Прежде всего телевизионщиков интересовало, почему соседи, живущие дальше, например в четвертом квартале, не оказывают помощь.

Приходили социальные работники и раздавали еду, но это лишь вызвало новые конфликты. Через пять месяцев даже полиция здесь не появлялась, а те жители, которые еще ходили смотреть телевизоры в витринах магазинов электроники на проспекте, рассказывали, что все это было главной темой в выпусках новостей. Но вскоре эти жители тоже оказались в изоляции, потому что их теперь прогоняли с проспекта.

Я говорю «они», потому что у нас-то были и телевидение, и электричество, и газ, и телефон. Мы скрывали это и жили так же замкнуто, как другие; если с кем-то пересекались, приходилось лгать: якобы питались мы растениями и даже съели собаку. Мой брат Диего устроился на работу в магазин в двадцати кварталах от нас. Маме моей удавалось добираться до работы по крышам (это не так трудно в районе, где все дома низкие). Папа мог снимать свои пенсионные деньги через банкомат, а услуги мы оплачивали онлайн, потому что у нас еще действовал интернет. Нас не грабили, вероятно, из уважения к доктору, а может, из-за правильного поведения.

А Хуанчо, украв спиртное из отдаленного круглосуточного магазина, сидел на тротуаре и, попивая вино, скандалил и матерился. «Это все та чертова тележка дерьма, тележка трущобника». Он орал часами, бродил по улице, стучал в двери и окна, выкрикивая: «Эта проклятая тележка, во всем виноват тот старик, надо его найти, он нас заколдовал!» Хуанчо голодал сильнее других, он был гол как сокол и жил за счет подаяний, которые собирал каждый день, звоня в колокольчик (и ему всегда бросали монеты, из страха или жалости, кто знает). Раз ночью он поджег тележку, и соседи наблюдали из окон за пламенем. Отчасти Хуанчо прав. Все винили тележку – то, что лежало в ней. Нечто заразное, привезенное из трущоб.

Той же ночью папа собрал нас в столовой на беседу. Сказал, что пора выйти из добровольного заточения, иначе все заметят, что мы невосприимчивы к бедам. Что Мари, соседка по дому, что-то заподозрила, ведь скрыть запах еды довольно сложно, хотя мы готовили пищу, замазав дверь кухни герметиком. И что наша удача может иссякнуть, и все пойдет прахом. Мама согласилась. Она сказала, что ее заметили, когда она спрыгнула с задней крыши. Она не уверена, но почувствовала взгляды. Диего тоже согласился с отцом и сообщил, что однажды днем, когда он поднял жалюзи, некоторые соседи разбежались, а другие глядели на него с вызовом и осуждением. Нас почти никто не замечал, мы жили закрыто, но чтобы продолжить маскировку, нужно поскорее выйти на свет. Мы не были ни худыми, ни истощенными, скорее запуганными, но страх не похож на отчаяние.

Мы выслушали папин план, который был не вполне разумным. Мама предложила свой, получше, но тоже не выдающийся. Мы приняли план Диего: брат всегда мыслил просто и расчетливо.

Отправились спать, но заснуть никто не мог. Поворочавшись, я встала, постучала в дверь комнаты брата и застала его сидящим на полу. Он был бледен, как и все мы, давно не видевшие солнца. Я спросила, считает ли он, что Хуанчо прав. И брат кивнул.

– Нас спасла мама. Ты видела, как тот мужчина посмотрел на нее перед уходом? Она спасла нас.

– Пока что – да, – сказала я.

– Пока что, – согласился он.

В ту ночь мы почувствовали запах горелого мяса. Мама была на кухне; мы пошли туда убедиться, что она не сошла с ума: жарит стейк на гриле в такой час, ведь нас обнаружат. Однако мама дрожала у разделочного стола.

– Это не обычное мясо, – молвила она.

Мы приоткрыли штору и посмотрели вверх. Увидели, что дым идет с террасы напротив. Он был черный, без запаха, в отличие от любого другого дыма.

– Старый трущобник, сукин сын, – заплакала мама.

Бетонная цистерна

*Я в ужасе от этой темной вещи,
Что спит во мне;
Весь день я чувствую ее мягкие, перистые изгибы,
злокачественность ее.*

Сильвия Плат

Хосефина помнила жару и тесноту в автомобиле «Рено-12» так, словно поездка происходила каких-то несколько дней назад, а не когда ей было шесть лет, вскоре после Рождества, под удушающим январским солнцем. Отец вел машину почти молча; мать заняла переднее кресло, а Хосефина сидела позади, втиснувшись между сестрой и бабушкой Ритой. Бабушка чистила мандарины, и машину заполнял запах перегретых фруктов. Ехали на отдых в город Корриентес, навестить дядей по материнской линии, но это была лишь одна из причин того путешествия, а о другой Хосефина не догадывалась. Она вспомнила, что никто в ее семье не был болтлив. Бабушка и мать, обе в темных очках, раскрывали рот, только чтобы предупредить о грузовике, несущемся слишком близко, или чтобы попросить отца сбросить скорость, опасаясь аварии.

Они боялись, постоянно чего-то боялись. Летом, когда Хосефина и Мариэла хотели искупаться в брезентовом бассейне, бабушка Рита наполняла его водой на десять сантиметров, а потом наблюдала за каждым всплеском, сидя в кресле в тени лимонного дерева во внутреннем дворике, готовая броситься на выручку, если внучки начнут захлебываться. Хосефина помнила, как мама плакала, вызывала врачей и «Скорую помощь» на рассвете, если у нее или у сестры слегка поднималась температура. Или как она заставила их пропустить уроки в школе из-за слабой простуды. Мама никогда не разрешала им ночевать у подруг и очень редко позволяла играть на тротуаре, следя за ними в окно, не открывая занавесок. Мариэла порой плакала по ночам, твердя, что у нее что-то шевелится под кроватью, и она не сможет заснуть с выключенным светом. А вот Хосефина ничего не боялась, как и ее отец – до той поездки в Корриентес.

Она с трудом вспоминала, сколько дней они провели в доме дяди, куда ходили и как гуляли по пешеходной улице. Но прекрасно помнила посещение доньи Ирины. В тот день небо было облачным, давила сильная жара, как всегда в Корриентесе перед грозой. Они отправились туда без отца; дом доньи Ирины находился рядом с дядиным, и они пошли вчетвером, с тетей Кларитой. Донью Ирину не считали ведьмой, а почтительно именовали Господьей. Перед ее домом – красивый парадный двор, где, правда, многовато растений, и почти в центре стояла выкрашенная в белый цвет круглая бетонная цистерна для сбора дождевой воды. Увидев ее, Хосефина отпустила руку бабушки и помчалась, не обращая внимания на крики, чтобы рассмотреть огромную емкость поближе и заглянуть внутрь. Остановить девочку не смогли, и она успела увидеть стоячую воду и дно глубоко внизу.

Мать отвесила ей пощечину, которая заставила бы ее плакать, если бы Хосефина не привыкла к таким проявлениям нервозности, которые заканчивались слезами, объятиями и словами «моя маленькая девочка, малютка моя, ведь я боюсь, не случилось бы чего с тобой». Что-то типа того. Но она ведь и не думала бросаться в цистерну, и никто не собирался ее туда толкать. Всего лишь хотелось увидеть свое отражение в воде, как об этом говорится в сказках, разглядеть лицо, похожее на луну, со светлыми волосами на фоне темной воды.

В тот день Хосефине понравилось в доме Госпожи. Мать, бабушка и сестра, сидя на банкетках, позволили Хосефине разглядывать подношения и разные безделушки, сложенные у алтаря. Тем временем тетя Кларита почтительно дожидалась их во внутреннем дворике, покурявая. Госпожа то бормотала, то молилась, однако Хосефина не смогла припомнить ничего странного – ни песнопений, ни дыма, ни даже прикосновений к кому-то из родственниц. Хозяйка шептала тихо, чтобы Хосефина не разбирала слов, но девочке было все равно: на алтаре она нашла детские пинетки, букеты цветов и сухие ветки, цветные и черно-белые фотографии, кресты с красными лентами, открытки с изображениями святых, множество четок – пластиковых, деревянных, серебристых металлических – и уродливую фигурку Санта Муэрте³, которой молилась ее бабушка. Это скелет с косой, который часто встречается в разных размерах и материалах, иногда он грубый, иногда тщательно изготовленный, с впадинами чернеющих глазниц и с широкой улыбкой.

Вскоре Хосефина заскучала, и Госпожа обратилась к ней: «Малышка, почему бы тебе не прилечь в кресле, иди-ка сюда». Хосефина послушалась и мгновенно заснула сидя. А когда проснулась, уже стемнело, и тетя Кларита устала ждать. Им пришлось возвращаться. Хосефина помнила, что попыталась еще раз заглянуть в резервуар с водой, но не решилась. В темноте белая краска сияла, как кости Святой Смерти, и она впервые почувствовала страх. Через несколько дней они вернулись в Буэнос-Айрес. В первую ночь дома Хосефина не могла заснуть, когда Мариэла выключила настольную лампу.

Сестра спокойно спала в кроватке напротив, а лампа стояла на столике Хосефины, начавшей засыпать, когда светящиеся стрелки часов Hello Kitty показывали три или четыре часа ночи. Мариэла обнимала куклу, и Хосефина заметила, как в полумраке по-человечьи поблескивают пластиковые глаза. Кажется, ей послышалось пение петуха посреди ночи, и она вспомнила, – кто же это мог ей сказать? – что петушиное пение в такой час предвещает чью-то смерть. Должно быть, именно ее смерть, поэтому она щупала пульс, научившись этому у матери, которая постоянно следила за частотой сердцебиения, когда у дочерей повышалась температура. Если удары были слишком быстрыми, Хосефина так пугалась, что не осмеливалась позвать родителей на помощь. А при медленном пульсе клала руку на грудь, чтобы не дать сердцу остановиться. Иногда она засыпала, считая удары и глядя на минутную стрелку циферблата. Однажды ночью девочка заметила, что пятно штукатурки на потолке, прямо над ее кроватью – заплатка скрывала протечку – приняло форму рогатого лица, морды дьявола. Конечно, она сообщила Мариэле, но сестра посмеялась и сказала, что пятна похожи на облака, они приобретают различные формы, если на них слишком долго смотреть. И что сама Мариэла не замечает никакого дьявола, пятно кажется ей птицей на двух лапах. Следующей ночью Хосефина услышала ржание лошади или осла... и ее бросило в пот, когда она подумала: это, наверное, явилась Душа Мула, дух мертвой женщины, которая превратилась в мула, не могла упокоиться с миром и по ночам скакала рысью. Она поведала об этом отцу, а он поцеловал ее в голову и сказал, что все это выдумки. Вечером Хосефина услышала, как отец накричал на мать: «Пусть твоя старуха перестанет плести ребенку всякую чушь! Не желаю, чтобы она забивала малышке голову, невежественное суеверное ничтожество!» Бабушка отрицала, что рассказывала девочке что-то подобное, и не обманывала. Хосефина понятия не имела, откуда у нее в мыслях всплывают такие истории или хорошо известные факты, как, например, то, что нельзя трогать рукой зажженную горелку, иначе обожжешься, или что осенью приходится надевать что-нибудь поверх футболки, ибо вечером холодает.

³ Санта Муэрте (Святая Смерть) – современный религиозный культ, распространенный в США и Мексике; поклонение одноименному божеству, персонифицирующему смерть и представляющему собой скелет в женском платье.

Годы спустя, на приемах у разных психологов, она пыталась найти рациональные причины для своего страха: то, что Мариэла сказала о пятне на штукатурке, могло быть правдой, вероятно, она слышала, как бабушка рассказывала эти байки, ведь они были частью мифологии провинции Корриентес. Возможно, по соседству с домом находился курятник, а мул принадлежал старьевщикам из окрестных мест. Однако сама Хосефина не верила этим объяснениям. Мама часто сопровождала ее на консультациях и признавалась специалистам, что она и ее мать страдали от «тревожности» и «фобий», которые, кстати, Хосефина вполне могла унаследовать. Мать и бабушка выздоровели, да и Мариэлу перестали терзать ночные страхи, так что «проблема Хосефины» тоже должна исчезнуть со временем.

Но время постепенно превратилось в годы, а Хосефина возненавидела своего отца за то, что однажды он покинул дом, оставив ее наедине с женщинами, которые теперь, после длительной самоизоляции, планировали поездки в отпуск и вылазки в выходные дни, а у нее только от приближения к двери начинала кружиться голова. Она возмущалась, что ей пришлось бросить школу и что теперь мать постоянно сопровождает ее на ежегодные экзамены. У нее вызывало гнев то, что в их дом приходили только друзья Мариэлы, мальчики, которые вполголоса обсуждали странности Хосефины, но сильнее всего раздражало пребывание в своей комнате за чтением историй, превращавшихся в ночные кошмары. Она прочла легенду об Анаи и цветке сейбо⁴, и во сне к ней явилась объятая пламенем женщина. Она прочитала книжку о таинственной ночной птице урутау⁵ и теперь перед сном слышала за окном крики птицы, которая на самом деле была мертвой девочкой. Она не могла отправиться в район Ла-Бока⁶, потому что в темной речушке там барахтались тела людей, пытающихся всплыть на поверхность, лишь только она приблизится к берегу. Спала, закутавшись в одеяло, опасаясь прикосновений неведомой холодной руки. Когда матери нужно было уйти, она оставляла Хосефину с бабушкой Ритой, и если опаздывала больше чем на полчаса, девочку тошнило, ведь опоздание могло означать гибель в результате несчастного случая. Она привычно ускоряла шаги, проходя мимо портрета незнакомого ей покойного деда, потому что чувствовала на себе взгляд его черных глаз, а также никогда не заходила в комнату, где стояло старое пианино матери, *зная*, что, когда на нем никто не играет, звуки из инструмента извлекает дьявол.

Хосефина проводила время в кресле. Волосы ее были такими сальными, что казались влажными. Она наблюдала внешний мир, который теряла. Даже не пошла на празднование пятнадцатилетия своей сестры, понимая, что Мариэла благодарна ей за это. Хосефина давно уже кочевала от одного психиатра к другому, и какие-то таблетки позволили ей поступить в среднюю школу, но уже на третьем году обучения она вдруг услышала в коридорах посторонние голоса помимо детских. И когда она однажды была в туалете, то заметила босые ноги, шлепающие по кафелю, а подруга сказала ей, что это наверняка монахиня-самоубийца, которая много лет назад повесилась на флагштоке. Напрасно мать, директриса и педагог-психолог убеждали девочку, что ни одна монахиня не вешалась на школьном дворе. Хосефине снились кошмары о Пресвятом Сердце Иисуса, о вскрытой груди Христа, которая в снах истекала кровью и заливала ей лицо; о Лазаре, бледном и подгнившем, встающем из могилы среди скал; об ангелах, которые хотят ее изнасиловать.

Поэтому она сидела дома и каждый год приходила на экзамены с медицинской справкой. А тем временем Мариэла возвращалась на машине ближе к рассвету, и возгласы парней слышались в конце ночи приключений, о которых Хосефина не могла и мечтать. Она завидовала

⁴ Чудесная история девушки из индейского племени; Анаи – символ отваги и стойкости; сейбо – крупный ярко-красный цветок, распускающийся в октябре, один из национальных символов Аргентины.

⁵ Исполинский козодой.

⁶ Ла-Бока – район Буэнос-Айреса, где река Матанса-Риачуэло впадает в залив Ла-Плата. (*Прим. ред.*)

Мариэле, даже когда мать ругала ее за чрезмерный телефонный счет. Ах, если бы ей было с кем поделиться, поговорить по душам! Увы, групповая терапия на Хосефину не действовала, вокруг были дети с реальными проблемами, сироты или подвергшиеся насилию. Речь обычно шла о наркотиках, сексе, анорексии и несчастной любви.

И все же она посещала сеансы, ездила на такси туда и обратно. Водитель всегда был один и тот же, он дожидался Хосефину у дверей, ведь у нее кружилась голова и сильное сердцебиение затрудняло дыхание, ей нельзя было оставаться одной на улице. С той поездки в Корриентес она не пользовалась автобусом, а единственный раз, оказавшись в метро, кричала до хрипоты, и матери пришлось выйти с ней уже на следующей станции. Мать встряхнула ее и потащила вверх по лестнице, но Хосефине было все равно, лишь бы выбраться из этого заточения, не слышать шума и покинуть извивающуюся змеей темноту.

Новые таблетки – еще экспериментальные, светло-голубые, блестящие так, будто только что из лаборатории, – глотались легко, и через некоторое время пол перестал походить из-за рвоты на минное поле. Лекарство даже освободило Хосефину ото снов, которые она раньше вспоминала, проснувшись, и когда однажды ночью она выключила прикроватную лампу, то не почувствовала холодных, как могила, простыней. Страх все еще преследовал ее, но она уже могла пройти в одиночку до киоска, не опасаясь умереть по дороге. Мариэла радовалась этому даже больше, чем сама Хосефина. Предложила пойти вместе выпить кофе, и Хосефина отважилась, но только на такси туда и обратно. В тот день она смогла пообщаться с сестрой, как никогда раньше, и сама удивилась, согласившись пойти в кино (Мариэла пообещала, если потребуется, уйти посреди фильма), и даже призналась, что, возможно, хотела бы поступить в университет, если в аудиториях будет не слишком много студентов, а ее место будет возле окон или дверей. Мариэла порывисто обняла сестру, столкнув на пол кофейную чашку, которая разбилась на две равные части. Официант собрал осколки, улыбаясь. Еще бы: Мариэла выглядела прелестно с ее прядями светлых волос, с влажными пухлыми губами, с глазами, подведенными так, чтобы зеленый цвет радужки гипнотизировал всех, кто ею любуется.

Они еще несколько раз ходили пить кофе – а вот кинопросмотр так и не состоялся. В один из таких дней Мариэла принесла сестре учебные программы, которые могли понравиться Хосефине, – антропология, социология, филология. Мариэла выглядела встревоженной, хотя и без нервозности первых совместных вылазок, когда приходилось постоянно быть начеку – срочно вызывать такси или, в худшем случае, «Скорую помощь», чтобы доставить Хосефину домой или в дежурную клинику. Она заправила пряди длинных светлых волос за уши и закурила.

– Хосефина, – молвила она, – нам надо кое-что обсудить.

– Что именно?

– Помнишь поездку в Корриентес? Тебе было шесть лет, мне восемь...

– Помню.

– А как ходили к ведьме? Мама вместе с бабушкой, им ведь, как и тебе, было все время страшно, вот они и отправились к ней подлечиться.

Хосефина насторожилась. Сердце учащенно забилось, но она глубоко вздохнула, вытерла руки о брюки и попыталась сосредоточиться на том, что говорила сестра, как и советовал психиатр («Когда охватывает страх, – настаивал он, – переведи внимание на что-нибудь еще, на что угодно. Например, посмотри, что читает человек рядом. Рассмотрите рекламные щиты или сосчитай, сколько красных машин движется по улице»).

– И я помню, как ведьма сказала, что они могут вернуться, если такое случится снова. Может, тебе стоит наведаться к ней? Теперь, когда тебе стало лучше? Знаю, что веду себя

глупо, что я похожа на бабушку с ее провинциальным бредом, но ведь они же избавились от наваждений, правда?

- Мариэла, мне нельзя путешествовать. И ты это знаешь.
- А если я поеду с тобой? Я серьезно. Мы хорошо все продумаем.
- Я не рискну. Просто не могу.
- Ладно. Подумай хорошенько. А если осмелишься, я помогу тебе во всем.

Утром, когда Хосефина попыталась выйти из дома, чтобы отметиться на факультете, она обнаружила: путь от двери до такси непреодолим. Перед тем как ступить на тротуар, у нее задрожали колени, и она расплакалась. Таблетки переставали действовать, Хосефина замечала это уже несколько дней. К ней вернулась неспособность наполнить легкие, или, точнее, навязчивое внимание, уделяемое каждому вдоху. Словно бы требовалось контролировать поступление воздуха, чтобы система работала так, будто Хосефина делает себе искусственное дыхание «рот в рот», а иначе не выжить. Теперь ее вновь вгоняла в ступор малейшая перестановка в комнате, вновь приходилось включать не только лампу на тумбочке, но и телевизор, и люстру в попытках заснуть: она не выносила никакой тени. Ожидала возвращения каждого симптома, узнавая их заранее, но впервые почувствовала кое-что хуже покорности и отчаяния – она злилась на себя. Она очень устала, но не могла вернуться в постель, чтобы попытаться унять дрожь и учащенное сердцебиение, как не могла и перебраться в пижаме в кресло, чтобы поразмышлять о том, что ее ждет в будущем: психиатрическая лечебница или существование в окружении частных медсестер. Невозможно покончить жизнь самоубийством, если так боишься смерти!

Вместо этого она принялась думать о Корриентесе и Госпоже. И о том, какой была жизнь до той поездки. Она вспоминала, как бабушка сидела на корточках у кровати и плакала, молясь, чтобы прекратилась гроза, она жутко боялась молнии, грома и даже ливня. Хосефина помнила, как мать смотрела в окно, выпучив глаза, каждый раз, когда затопляло улицу, и как она вопила, что они все утонут, если вода не сойдет.

Вспомнила также, что Мариэла никогда не играла с соседскими детьми, даже когда они приходили за ней. Она обнимала своих кукол так, будто боялась, что их украдут. Еще Хосефина помнила, что отец возил мать к психиатру раз в неделю, она возвращалась полусонной и укладывалась в постель. Даже вспомнила донью Кармен, выполнявшую разные поручения и приносящую пенсию бабушке, ведь та не хотела, точнее, не могла – теперь это знала и Хосефина, – выйти из дома. Донья Кармен умерла десять лет назад, двумя годами раньше бабушки. После поездки в Корриентес она навещала ее, только чтобы выпить чаю, поскольку все заточения и ужасы миновали – для них. А вот для Хосефины они тогда только начинались.

Что произошло в городе Корриентесе? Неужели Госпожа забыла ее «исцелить»? То ли она не нуждалась в лечении, то ли просто ничего не боялась... А если вскоре Хосефина начала страдать так же, как и другие, то почему ее не отвезли к Госпоже? По какой причине не захотели к ней обратиться? Потому что они не любили Хосефину? Или Мариэла ошибалась? Хосефина начала понимать, что возмущение – путь в никуда, и если она продолжит злиться, то не сможет сесть в маршрутку дальнего следования и посетить Госпожу, а значит, никогда не выберется из заточения. Ради такой попытки стоило и умереть.

Наутро она с трудом дождалась пробуждения Мариэлы и приготовила ей кофе, чтобы сестра побыстрее пришла в себя.

- Поехали, Мариэль, я решилась.
- Куда?

Хосефина опасалась, что сестра даст задний ход, откажется от своего предложения, но та ничего не понимала лишь потому, что накануне изрядно выпила.

– В Корриентес, к ведьме.

Мариэла мигом пришла в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.